

ЛЕВ ГОРНУНГ

УПАВШИЕ ЗЕРНА

АНАСТАСИЯ ГОРНУНГ

БЕГУЩИЕ ЛАНДЫШИ

R
KANTON

**Анастасия Васильевна Горнунг
Лев Владимирович Горнунг
Упавшие зерна.
Бегущие ландыши**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3086395

*ГОРНУНГ, ЛЕВ. Упавшие зерна; ГОРНУНГ, АНАСТАСИЯ. Бегущие
ландыши: BALTRUS; Москва; 2004
ISBN 5-901439-18-X*

Аннотация

Избранные стихотворения двух, почти неизвестных теперь, талантливых поэтов, Льва и Анастасии Горнунг, начавших литературную деятельность еще в 1920-е годы, существенно дополняют антологию русской поэзии XX века. Подборки стихов сопровождаются краткими очерками жизни и творчества поэтов.

Содержание

От составителя	4
Лев Горнунг	8
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лев Горнунг, Анастасия Горнунг Упавшие зерна; Бегущие ландыши

От составителя

*Как просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и спокойно догореть,
Но не дано российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.*

Анна Ахматова

Этими строками великая русская поэтесса надписала свою фотографию, подарив ее в конце 1930-х годов своим давним друзьям – поэтам Льву и Анастасии Горнунг. В книгу, которую держит в руках читатель, вошла лишь малая часть поэтического архива, оставшегося после смерти двух, малозаметных в жизни, представителей старой русской интеллигенции.

В конце 1980-х годов, после начала «перестройки», в полную силу зазвучали голоса давно умерших Волошина, Ман-

дельштама, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, как бы полузабытых в силу советской опалы. Тогда же в кругах литературоведов и среди так называемой читающей публики было замечено имя Льва Горнунга, опубликовавшего воспоминания о своих встречах и дружбе со многими поэтами, составившими славу русской поэзии еще в первой трети XX века. Широко известными в те годы стали и вошедшие в десятки изданий фотопортреты Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Арсения Тарковского и его семьи, сделанные Львом Горнунгом в предвоенное время.

В 2002 году в Доме-музее Марины Цветаевой в день рождения Бориса Пастернака по инициативе его сына был проведен вечер «Борис Пастернак в воспоминаниях и фотографиях Льва Владимировича Горнунга». Выступили Е.Б. Пастернак, М.А. Тарковская и оба автора биографических очерков, включенных в настоящий сборник. Тогда, в связи с приближавшимся столетием со дня рождения Льва Владимировича Горнунга (1902–1993), родилась идея издать книгу о нем и его жене – писательнице Анастасии Васильевне Горнунг (1897–1956).

Как поэты они теперь почти неизвестны, и публикация даже небольшого числа их избранных стихов в данной книге дополнит «антологию» русской поэзии XX века. У Льва Владимировича в последние годы его жизни было опубликовано немало работ мемуарного и публицистического характера, но ни одного сборника стихов. У Анастасии Васильевны

в 1920-х годах вышло около двадцати книжечек для детей, и только однажды, много позже ее смерти, на страницах «Нового мира» мелькнуло несколько стихотворений.

Все рукописи Анастасии Васильевны конфисковывались при ее неоднократных арестах и ссылках. Только после своего замужества и возвращения в Москву из последней ссылки в конце 1930-х годов она стала по памяти восстанавливать стихи своей молодости. В этом ей помогал муж – он собрал воедино все ее стихи, записывая их под диктовку.

Лев и Анастасия прожили сравнительно недолгую совместную жизнь. В трудные предвоенные, военные и первые послевоенные годы они без ропота переносили выпавшие на их долю тяжелые испытания.

В этом им помогали глубокая привязанность друг к другу и безграничная любовь к поэзии.

Лев Владимирович пережил жену на 37 лет. Это время было для него особенно тяжелым из-за полной потери зрения. Однако он мужественно сопротивлялся этой страшной невзгоде и даже от года к году, вплоть до самой кончины на 92-м году жизни, расширял (с помощью друзей и добровольных помощников) свою литературную деятельность.

Подборки избранных стихов обоих поэтов сопровождаются краткими очерками об их жизни и творчестве. В ряде случаев к стихотворениям даны примечания, представляющие нам необходимыми или полезными современному читателю. В приложениях даны сведения о публикациях поэтов.

Маргарита Воробьева

Лев Горнунг
Упавшие зерна

* * *

Когда придешь в твои покои,
То видишь все, как бы во сне:
Из кожи с золотом обои,
Барон Брамбеус на окне.

Ты здесь живешь отдельным миром,
Здесь наяву твой длинный сон,
Тебе наш век виденьем сирым
В небытие перенесен.

Твой мир прогрессом не затронут,
Ты гредишь старым, дорогим,
Твои мечты лишь в прежнем тонут,
Ты прошлый век зовешь своим.

И веет старыми веками
С твоих завешенных окон,
И отшуршавшими шелками
И темным золотом икон.

За рамкой пыльной, на картине
Пастушки за витьем венков.
Нет электричества в помине
И телефона злых звонков.

Поднос на столике, кофейник.
На ножках чашки золотых.
Какой-то любящий затейник
Цветы нарисовал на них.

И мнится: Чацкий, осторожно,
Ступая мягко по коврам,
Придет за Софьей, мучась ложно,
Кидая взоры по углам.

Или часы, в тени карниза,
Пробьют, молчанье нарушив.
Их заведет шалунья Лиза,
Свечу с рассветом потушив.

Какая горькая утрата.
О время «Горя от ума».
И борется с лучом заката
На темной коже полутьма.

И покидая эти были
Иных времен, иной молвы,
Услышишь вновь автомобили
На красных улицах Москвы.

ПОДРАЖАНИЕ ГЕОРГИЮ ИВАНОВУ *

На неудачи в стиле не взирая
И подходящего не находя штриха,
Сады еще неведомого рая
Я ясно вижу в поисках стиха.

В них дышится и счастьем и прохладой,
И постоянством неги неземной.
В них счастье называется усладой
И осень заменяется весной.

В них золото сгоревшего заката
Прозрачнее расплавленной слюды,
В них радуги из чистого агата
И ослепительно сверкающие льды.

Из облаков встает волшебный замок —
Жилище неразгаданных миров.
В нем хор переливающихся рамок
Походит на павлинее перо.

Я слышу тающие звуки лиры
И пение божественных Харит.
Звонят в руках архангелов секиры

И колокол мелодией звучит.

Но это длится только миг единый,
Вот снова прежняя знакомая стена,
В окно виднеется кремлевская твердыня
И белокаменно-московская луна.

1921

ИЮЛЬ

На облака ложатся тени,
И ветер – словно легкий тюль,
И золото зеленой лени
С лазури шлет к земле июль.

Мгла летнего тепла пролилась
В расплавленные зеркала
И в них случайно отразилась —
Так ослепительно бела.

1922

НАСМЕРТЬ Н. Г.*

Был Иннокентий Анненский последним

Из царскосельских лебедей.

Н. Гумилев. «Колчан»

Поэт, твой облик мужественно-милый
Невиданный – мне виден из стихов.
Тебе Россия странную могилу
Дала за хмель медночеканных слов.

Ты Африку любил и пел Багдад,
Тебя пленяла пышная Бассора.
Всегда вперед и никогда назад,
Ты жизнь прошел Путем Конквистадора.

Но, может быть, из дольных кущ Эдема,
Над пышным Романтизма Цветником,
Средь звёздных жён полночного гарема
Ты запылаешь Огненным Столпом.

И из Чужого нам Небесного Шатра
Созвездием Колчан взойдет над облаками
И искрами далёкого Костра
Зажгутся звезды, вспыхнут Жемчугами.

Но и земной, а не из райских кущей,
Ты будешь долго в памяти людей,
Ты и сейчас остался самый лучший
Из акмеизма белых лебедей.

24 АВГУСТА 1922 ГОДА

Вот уж год, как нет его на свете,
Круглый, скоро прокатился он,
А в ушах наматывает сети
Закаленный и чеканный звон.

Я читаю медленно и грубо,
Временами тороплюсь скорей,
И «Болонью» тихо вторят губы —
Пятистопный золотой хорей.

И звучат томительно и кротко
Образы, волнующие кровь:
«Подошла неслышною походкой,
Посмотрела на меня любовь».

Все стихи его, без исключения,
Я люблю, наверно навсегда,
И не лучше ангельское пенье
В райских упоительных садах.

Их читать ничто не помешает,
Не заставит никогда забыть,
Неужели их не всякий знает,
И не каждый сможет полюбить.

Через год я прочел во французских газетах,
Я прочел и поник головой...

Н. Гумилев «Шатер»

«Середина странствия земного»
Оказалась странствия концом,
Смерть взяла тебя от нас иного —
С просветленным, радостным лицом.

Если даже «на земле не хуже» —
Смерть твоя была не так «проста»,
Над тобой никто почти «не тужит»
И не смеет «целовать в уста».

И молчит за райскою оградой
Огнекрылых трубачей отряд.
Их сердца сверкающей лампадой
В сумраке таинственном горят.

Пусть Георгий, храбрых покровитель,
За тебя поручится в раю,

Аполлон снесет к нему в обитель.
Лиру многострунную твою.

И тогда, быть может, по заслугам
Будешь ты за смерть вознагражден.
Я же вспомню в светлый час досуга
Мрачный день забытых похорон...

1922

* * *

Это сделал, в блузе светло-серой,
Невысокий старый человек.

Н. Гумилев. «Костёр»

Пробил час и старая Россия
Повернулась красным колесом. —
Не приход обещанный Мессии
Это был, и не намек о нем.

То народ-титан распутал сети,
Без труда, как ворох паутин,
И шутя сломал тиски столетий,
Все сметая на своем пути.

Был он мастер «ремесла святого» —
Офицер последнего царя —
С помощью отточенного слова
Обо всем стихами говоря.

Но погиб, посту не изменяя,
Сохраняя твердость до конца,
Ничего врагам не выдавая
Мускулами своего лица.

И рабочим старым отлитая
Пуля просвистела не с холмов,
Не к Двине, а, гулко замирая,
У холодных невских берегов.

Он упал на влажный пол сарая,
Окровавлен, бледен, недвижим,
И в глазах померкших – вестник рая —
Промелькнул крылатый серафим.

Не в побоище на поле бранном,
Не с победой при звучаньи труб,
А в столице северной туманной
Замерла улыбка мертвых губ.

Так он кончил с верой и надеждой
Свой недолгий, плодотворный век.
Это сделал в кожаной одежде
Зачерствелый, злобный человек.

*Густаву Шпету**

Должно быть обезумевший портной
Скроил меня потомству в назиданье,
Чтоб грубое моё существованье
С тех пор отягощало шар земной.

И вот – угрюмый, зоркий часовой,
Я над Землёй застыл, как изваянье,
Чтоб пенью птиц внимать и слушать ржанье
Коней, бегущих к влаге голубой.

Чтоб всё познать как маги и факиры,
И песен злых просить у нищей лиры,
И петь в закат, пылающий вдали.

А по ночам, старея год от года,
Как в детстве, слушать древний бред Земли,
Запоминать твой дивный лик, Природа!

НАСЛЕДИЕ

Мы пасынки Европы с давних пор,
К её груди прижались, как щенята,
Наш жребий брошен и глядит в упор
Беззубый призрак будущей расплаты.

Но горькое чужое молоко
Нам с каждым годом и родней и слаще,
И всё же, в путь пускаясь далеко,
Мы юность жизни вспоминаем чаще.

Мы вспоминаем – и нередкий день
Являет запись о былых молитвах,
О зареве хазарских деревень,
О силе духа в рукопашных битвах.

А лихорадку варварских телег
Не вылечит Петрово начинанье —
Лишь утром выпадает первый снег
И детское сильней воспоминанье.

О РАЗЛУКЕ*

Какая нам разлука предстоит,
Кто скажет нам, при слове расставанье
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в Акрополе горит

О. Мандельштам

Не все ли мы – нелепые завистники,
Забывшие о прелестях тоски.
Мечтаем о простом четырёхлистнике
И с розы обрываем лепестки.

Ужели мы не ведаем, что горе
Одно целит в зловещие года,
Что ярче пламень светится во взоре,
В котором мы не прочитаем: «Да».

А пьяный хмель ненужного изгнанья —
Заманчивый и радующий хмель,
И не весна ведёт очарованье,
А тёмный час и тёмная метель.

И лишь тогда встаёт воспоминанье,
Несущее назад былые дни,

Когда мы пьём вино и расставанье
И к новым встречам тянемся одни.

11 марта 1924 года

Н.Д.*

Мы жизнь свою творим скупой и темной,
Под ветхой кровлей делим страсть и сон,
Наш дом надолго памятью огромной
И снежными пластами занесён.

В сухих ветвях запутались вороны
И карканьем тревожат тишину,
Вокруг метель и ветра плач и стоны,
А песню не услышать ни одну.

Свою судьбу, ослепшую с годами,
Мы наизусть запомнили давно,
И припадать горячими губами
Нам к полной чаше счастья не дано.

И не уйти к соленым синим водам,
Туда, где день как ветер – жгуч и крут,
Где не для нас таким тягучим медом
С ночных небес созвездия текут.

1924

* * *

Падучих звёзд серебряные нити,
Миллионы вёрст бегущие в секунду,
Короткими и быстрыми стежками
Останутся в расширенном зрачке.

И звук зерна, из высохшей пшеницы
Упавшего на высохшую землю,
Рождает мысль о пройденном пространстве,
Не смиренном за краткостью его.

Так призраком испуганные кони,
Взлетев над бездной, в эту бездну канут,
До гибели познать не успевая
Мгновения, влекущего на дно.

1924

НАВОДНЕНИЕ*

Мы как в Венеции в своей Москве живём,
В окно любимся и воду созерцаем,

И струи шумные за отпертым окном —
Глухую музыку – пустой душой черпаем.

И пусть незыблемый, как каменный ковчег,
Недосыгаемый, в спокойствии и в силе,
Не Кремль красуется – досужий человек
Скликает голубей, чтоб музыки испили.

Здесь город борется, но мало силы в нём,
А волны цепкие подобны хищным стаям,
Здесь – мы в Венеции, а не в Москве живём,
В окно любуемся и воду созерцаем.

1926

КРЕМЛЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

*Сергею Шервинскому**

Тогда ещё закат был розов, а луна
Оранжевым плодом таилась за домами,
И смутной вышиной владела тишина,
И вышина сливалась с нами.

Исполнен музыки и страждущей тоски,
Когда душа пуста и только чувства полны,
Я набережной шёл и слушал плеск реки,
Закатом тронутые волны.

И башни древние, и дальняя гроза,
И камень, в сумраке залёгший у дороги,
И встречных девушек прозрачные глаза,
И резвых муз босые ноги.

1926

* * *

*Н. М. Подгоричани**

Мы знаем, нам дана тоска
Затем, что с нею плоть покорней,
И – тщетно бьются сквозь века
В подземной судороге корни.

Продевши руки сквозь кору,
Презрев своё благополучье,
Мы прорастаем на ветру —
Обугленные ветром сучья.

Мы песни дикие поём,
И прошумим, и прожелтеем,
И только с места не сойдём,
Соискушаемые змеем.

И в тёмный смысл добра и зла

Впиваясь острыми зубами,
Мы видим – влага потекла,
Но задержалась меж губами.

И чёрных яблок естество,
И чёрных листьев трепетанье —
Мы сохраняем для того,
Кто наше чует прорастанье.

Кто не забыл, что тайный сок
Всегда поит слепые корни,
Что им – и горький дух высок,
И низменная плоть покорней.

1928

* * *

Шумят деревья и подчас
К земле печально ветви клонят,
Как будто в этот смутный час
Своё спокойствие хоронят.

Вой, ветер! Радуйся и вой!
Пляши в дымящихся просторах —
Природы голос кочевой
На деревенских косогорах.

И чёрных пашнях опьянясь
Весёлым обмороком бега,
Приветствуй солнечную грязь,
Ещё набухшую от снега!

Как бы мечта — пусть о нём —
Но зеленея сквозь мечтанья,
Висят на воздухе пустом
Берёз плакучих очертанья.

И в праздном отдыхе влачась,
И им сочувствуя, и маю,
Я в этот сумеречный час
Зелёным жалобам внимаю.

1928

БОГАЕВСКИЙ*

Природа чувственна, но, мужествуя, Смерть
К себе склонила лик Тавриды,
Довлеет вечности — и каменная твердь,
И гробовые пирамиды.

Тая свидетельство о сумрачной борьбе,
Залегшей в пропасти глухие,

Здесь камни говорят молчаньем о судьбе,
Испепеляющей стихии.

Здесь солнце гневное не пощадило гор,
И их пустые склоны – наги,
И ветер носится со дна сухих озёр
В стоячий холод мертвой влаги.

И нет косматых пальм – для них был строгим суд,
И их краса давно изъята,
Теперь кустарники корявые растут
В объятьях желтого заката.

А эти крепости и груды кирпичей,
Бред генуэзских капитанов...
Но звёзды падают в солёный мрак ночей
И в жерло вымерших вулканов.

Но киммерийским дням давно утерян счёт,
И вот года покрылись пылью,
И времени песок медлительный течёт
Над героической былью.

И крепко я люблю – и этот скудный рай
И аскетическую сушу.
О, как воспитывать он может, мертвый край,
Живую человеческую душу.

* * *

Без собеседника, зато*
Лишь с одиночеством как с другом,
И так, что творчество влито
В пустую душу злым недугом,

И на зло праздному уму —
Мы видим жизнь за смертным ложем
И мыслим только потому,
Что сердцем чувствовать не можем.

1928

Ю.Н. ВЕРХОВСКОМУ*

Из девяти – одной служа,
На севере, в ночи, в порошу,
Сквозь огонь войны и мятежа,
Неся свою святую ношу,

Еще с порога первых дней
Приняв скупой судьбы подарки
И плоть оставив, чтоб о ней
Заботились слепые парки,

И чуть разматывая нить,
Но жизнь украв у лихолетья —
Не сладко ль путнику вступить
На грань пятидесятилетия?

Приветлива, но не грустна
Без полдня, без весны, без юга,
Босая, ходит с ним одна
Простоволосая подруга.

И старый посох, верный друг,
Взращен в лесах Гиперборея,
Украсился цветами вдруг,
И тем душистей, чем старее.

Не с ними ль до конца идти,
До дна испить святой отравы,
Храня и в сумерках пути
Высокий дар негромкой славы.

1928

ЗАКАТ

*М. И. Тарковской**

В голубой колодец дня

Изошло огнем светило.
Солнце, солнце, ты меня
Тяжким зноем напоило.

Спелым яблоком загар
Охватил сухую кожу,
Обмороком чёрных чар
Чадный день склонился к ложу.

Там, за лесом, в облака —
В пышно-розовые грозди
Ржавой памятью тоска
Заколачивает гвозди.

А пылающая твердь
Все прозрачней от сгоранья —
Разве это только смерть? —
Это праздник умиранья!

1928

* * *

*Арсению Тарковскому**

Я задыхаюсь. Воздух раскалён.
Глухой огонь охватывает тело,
Гнетёт мой дух. Но углем тлеет он,

Кипит водой, и мукам нет предела.

И мысль кипит, и всё наедине
В самом себе мятётся чёрный разум,
И света ждёт, и бредит в тяжком сне,
И сквозь себя прозревшим смотрит глазом.

1929

РАСПЛАТА

В те дни, когда одним пожаром
Дышала огненная твердь,
Мы счастья ждали, но недаром
Взамен ему явилась смерть.

И каждый вечер, страж суровый,
Пути грядущего храня,
Бесплодным падал шар багровый
На пепел траурного дня.

И с каждым шагом только круче
Вился по камню путь кривой,
И бились вороны, и тучи
Неслись над самой головой.

Тогда, разбив одним ударом

Судьбу, как узел, пополам,
Покорствуя суровым ларам,
Явившимся из мрака нам,

Постигли мы, не вняв напеву,
Которому внимала плоть,
Что суждено святому гневу
Наш грешный пламень побороть.

1929

ДОРОГА

*Софии Парнок**

Скрипело дерево в лесу,
Сломавшись на юру,
Про горькую свою красу
И трепетало на весу,
Бессвязно, как в жару.

И по глубоким колеям
Меж рытвин глинистых и ям
Вприпрыжку лошадь шла,
Телега будто мстила нам —
В колдобинах трясла.

И лёжа навзничь на доске

С дубовой веточкой в руке,
Нечёсан, неумыт,
Я слушал ветер вдалеке
И рядом – стук копыт.

И видел – к чёрным облакам,
Шумящие навстречу нам,
Из праха, из борьбы,
Как изгородь, по сторонам
Взросшие дубы.

И пусть привольней и ровней
Идти иным путём,
Там небо ярче и синей,
Но я сберёг для этих дней
Себя в себе самом.

1928

* * *

В жаркий полдень под забором,
Буйной свежести полна,
Ты для нежных трав укором
Распустилась, белена.

На лугах тебе не рады,

Цветникам ты не мила,
У кладбищенской ограды
Ты приют себе нашла.

И покорный тайным силам,
В час, когда лучи палят,
По твоим зелёным жилам
Сумасшедший бродит яд.

Но, таясь, как на свиданье,
Я иду тропой кривой
Разделить твоё изгнанье,
Нелюдимый жребий твой.

Ветер спит, зачахли травы,
Жгучий зной вдыхаю я.
Нет ли и в тебе отравы,
Тёмная судьба моя?

1929

* * *

*Л. Е. Фейнбергу**

И мелкий бисер частых звёзд,
И сосен неоглядный рост,
И ранняя прохлада

Умолкнувшего сада.

Сквозь ветви на небе видна
Ещё неполная луна,
Но хоть окно и настезь,
Ты, память, всё мне застишь.

Сверчок стрекочет на печи,
Облюбовавший кирпичи,
– Уймись, бессонный, будет!
Твой голос всех разбудит.

Нам нужно нынче отдохнуть,
Мы выйдем ночью в звездный путь,
К своей судьбе далекой
Пойдём во тьме глубокой.

И будем бодрствовать, когда
Проблещет по небу звезда,
И вскрикнем: Всё пропало!
Ещё одной не стало!

Но разве есть для бездны счёт?!
И наша жизнь звездой мелькнет,
И невозвратны годы,
Как с гор весною воды.

БАБЬЕ ЛЕТО

Спелых гроздей алый груз,
Серый ствол рябины,
Я гляжу, не нагляжусь,
На макушку заберусь,
Погляжу с вершины.

Бабье лето, я ль не сам
Ждал тебя с любовью,
Солнце вёл по небесам,
По желтеющим лесам
Плещущее кровью.

Разве я не так влюблён,
Я ль не понимаю,
Что морозом опалён,
Расцветился ярко клён —
На зло, на зло маю.

Я и сам тому не рад,
О, сентябрьский холод!
Деревенский листопад —
Сердце ждёт твоих наград,
Неуёмный голод.

Косит осени коса
Пёстрых листьев племя,
Мне ж одна мила краса —
Голубые небеса,
Золотое время!

1929

ЛЕНИНГРАДКЕ*

Нам редко видеться дано,
Но наша встреча не случайна,
Значенье прежних дней темно,
А город Ваш – всё та же тайна.

Я помню мартовский закат
И звезды в небе лиловатом,
И опустелый Летний Сад,
И памятник перед Сенатом.

Четыре дня, но до сих пор
Я вижу их как на ладони —
Вокзал, и Невский, и простор,
И Клодта вздыбленные кони.

А завтра – солнце в синеве,
А к ночи – полосы сияний,

И наша встреча на Неве
При лунном блеске снежных зданий.

И будто в воздухе гроза,
И рядом чья-то тень, сурова,
И чьи-то скошены глаза —
Но пусто вдруг – и снова, снова...

И это всё, чтоб – верный страж —
Пока года гремят как танки,
Всю жизнь я помнил профиль Ваш
И дом старинный на Фонтанке.

1929

МОСКВА

Как ладонь, земля поката
И как совесть нечиста,
Вот затем-то вдоль заката
Распростёрся храм Христа.

Неприступны, будто горы,
Удалившись на покой,
Высоко стоят соборы
Над чернеющей рекой.

И упорствуя по склонам,
С мостовой едва-едва
Естеством своим зелёным
Тщетно борется трава.

Ты не тополь, в самом деле,
С пыльным ворохом листвы,
Но влачи свои недели
В душном воздухе Москвы.

Плески вёсел, крики с лодок,
То гитара, то гармонь,
Злись на целый околоток,
А гуляющих не тронь.

И в который раз зевая
Я смотрю, как вдоль реки
Красные зрачки трамвая
Проплывают, далеки.

Но пленён старинной модой
Я приемлю жребий мой —
Тёмным вечером с природой
Разговор глухонемой.

18 мая 1929 года

К МОЕЙ ДУШЕ

Котёнком падай с высоты
На все четыре лапы сразу,
В когтях стремленье держишь ты,
А не фарфоровую вазу.

Гляди, внизу для жадных рук
Повисло яблоком пространство —
И вот прыжок и мягкий стук
В его земное постоянство.

Тебе паденье не в укор,
Ты рвёшься к таинствам природы,
Распылена как метеор,
Прошедший пламенем сквозь годы.

Ещё в космической дали
Для сожалений, для стенаний
Узнала ты, что вне земли
Старинных нет воспоминаний.

Гляди, цветут и ждут поля,
Струятся и смеются реки,
Свет солнца в каждом человеке,
Перед тобой твоя Земля,

Ты к ней привязана навеки.

1930

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Весенний ветер над Москвой.
Ещё февраль, но ясен полог,
И снег, земля, источен твой
Дыханьем солнечных иголок.

На Маросейке, на Тверской,
На Красной площади – повсюду
Смотри, везде восторг какой
И удивленье, будто чуду.

А в синем небе облака,
Но их – дымящихся – немного,
И так прекрасна, так легка
Земная зимняя дорога.

Ещё вчера с душой пустой
Мы к бездне шли опустошённой,
А нынче – в полдень золотой —
Полны природой воскрешённой.

И нам, обрадованным ей,

Весна твердит, ещё из гроба,
Что навсегда из наших дней
Уйдёт зимы и тьма и злоба.

1930

КУНГУР*

Солнечно-каменный Кунгур,
Холмов лесистых мир суровый,
Твой известняк высок и хмур,
В цветах – то жёлтый, то лиловый.

И пихты стройные твои,
Высоки и неколебимы,
И пропасти, а в них струи
Ключей, вовек неистоцимы.

Как много древней красоты
Во тьме уральских гор, как много!
И ты простёрлась здесь – и ты
Средь скал ступенчатых, дорога!

Под знойным небом облака
Проходят, медленные, мимо.
Тоска моя, ты здесь легка,
Ты землю любишь, нелюдима.

Вот, наконец, и мы с тобой
Пространствовали в дивном мире,
Вот, наконец, и ты со мной
По новой едешь, по Сибири!

1931, скорый поезд Москва-Новосибирск

* * *

Плещется Волга в борта парохода,
Я на тебя загляделся, Природа, —
Сердце пронзает твоё остриё,
Солнышко-Вёдрышко, счастье моё!

Справа лесные стоят берега,
Слева легли заливные луга,
Ветряных мельниц простёртые длани,
Белые церкви, да избы, да бани.

Всех ты качаешь на вольных волнах,
Кто – пароходом, а кто – на плотях,
Матушка Волга, теки величаво,
Слава тебе, неизбывная слава!

Каждая заново бьётся волна,
Ты ж вековые хранишь времена,

Старые песни да новые были —
Все о тебе – до сих пор не остыли.

Песня о Разине, где ты слышна,
Где ты, персидская, пела, княжна:
«Эх, коль не кинешь мя, режь меня, режь мя!»
Кинешма, Решма! Эх, Кинешма, Решма!

Но только пена шуршит у винта,
В небе далёкая спит высота,
Спят облака, но дробясь в отраженье,
Сверху спокойные – снизу в движенье.

Плещется Волга в борта парохода,
В дивные дали влечёт нас Природа.
Грудь согревает твоё остриё,
Солнышко-Ведрышко, счастье моё!

1932, Верхний плес. Район Кинешмы и Решмы

СОКИ ЗЕМЛИ

Долго я ощупью шел наугад,
Жизнь моя! Юность! Я н~~о~~ жил в те годы,
Не от того ли я нынче так рад
Позднему счастью, дыханью природы.

Вот я вхожу под сквозящую сень,
Слышу движенье и подступы крови,
Будто гляжу сквозь кору и весь день
Вербам ли, птицам ли радуюсь внове.

Соки наверх поднялись из глубин
К почкам набухшим. Прозрачны и черны
Снежные глыбы в лесу, и со льдин
Воды с журчаньем бегут, непокорны.

Будто Снегурочка в роще поет,
Чьей-то свирелью томится печальной,
Отзвуком из лесу, песней плывет,
Розовым облаком, памятью дальней.

Время ль уходит судьба ль надо мной,
Но с каждым годом в погоду такую
Призрачней, тоньше при встрече с весной
Счастьем томлюсь и без солнца – тоскую.

1933

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД*

Сергею Шервинскому

Наш челнок слегка качается,
Чуть поёт под ним вода,

А вдали обозначается
Одиночная звезда.

И закат, и церкви белые,
То разрознены, то в ряд,
Как века окаменелые,
Словно призраки стоят.

И налитые озёрами
Беспредельные луга,
И повсюду перед взорами
В жёлтых отсветах стога.

Запах сена, запах времени,
Праздных мыслей череда,
Дни без роду и без племени,
Отшумевшие года.

Дремлет вечность, а мгновенная
К вёслам ластится волна,
Входит в город сокровенная,
Не простая тишина.

В белый час ночной бессонницы
Из-под тёмных куполов
Нам не шлёт она со звонницы
Перезвон колоколов.
Не поётся ей, не бредится
Средь безмолвия и сна,

А за Волховом Нередица
В тёплых сумерках видна.

1936

ЖИЗНИ НАВСТРЕЧУ*

Мост возле Сызрани. Как долги
Его столбы в окне сквозь дым.
Луна бескрайность тёмной Волги
Зажгла сияньем голубым.

Разлив весенний, необъятный,
Огни далёких берегов,
Природы голос, сердцу внятный,
И постижимый, и понятный
Небес полуночный покров.

Глядишь вперёд и ждёшь, и знаешь
Куда ведёт судьба твоя,
Звездой рассветной, дымом таешь
И вдруг, как внове, припадаешь
Губами к чаше бытия.

Апрель 1937 года, скорый поезд Москва-Ташкент.

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

послание с дороги

Верховский, друг мой, милый Юрий,
В Москве мне было недосуг:
Гонимый сердца вешней бурей,
Спешил я к счастью, как Меркурий,
Вступая жизни в новый круг.

В пути спокойней. Вспоминаю
И Вас, и всех. Гляжу в окно
На талый снег, на птичью стаю.
И сам, как озимь, прорастаю,
Пью воздух, крепкий как вино.

Леса встают из вод зеркальных,
На глади их отражены,
И после дней зимы печальных
Среди полей больших и дальних
Я сам как ветер всей страны.

Неугомонный, неуёмный,
Как я хочу, окончив путь,
Не одинокий, не бездомный,
Через простор страны огромный
Вам руку дружбы протянуть.

20 апреля 1937 года, скорый поезд Москва-Ташкент

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЙНЫ

И вот я в том краю, где всюду смерть прошла,
Куда незваная она явилась в гости,
Где всё разорено и выжжено дотла,
Где остовы домов и человечьи кости.

Но всё же теплится, из тленья вновь встает,
Таясь и крадучись выходит из под гнёта
Жизнь сквозь развалины своим путем идет
К родным урочищам искать и звать кого-то.

А в воздухе весна и талый снег в полях,
И жаворонков песнь – незримых щебетанье,
И шустрые скворцы шумят в своих домах,
А в суете их и радость и старанье.

Земля родимая! Воскресни из огня,
Пожаром закались, коль должно быть пожару!
Перед лицом войны, при полном свете дня,
Своим страданием испепели меня
И силу вещую дай песенному дару!

Весна 1944 года

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

на 45-летие его поэтической деятельности

Лунная ночь, тишина, гололедица.
После распутицы перед мостом
Лужи замёрзли. Большая Медведица
К самой избе опустилась хвостом.

Мне, как бродяге, как деревенщине,
В избах судила судьба ночевать,
И по Московщине, и по Смоленщине
Мерить дороги, стихи напевать.

Просто ли шёл или к Западу шествовал
В танках, в машинах среди голых полей,
Многое вспомнил и славил, и чествовал,
Ваш в одиночку справлял юбилей.

Годы проходят. Бессонница летняя,
Зимняя спячка, земной бурелом,
Муза уже сорокапятилетняя
Вас, как и встарь, осеняет крылом.

Вот отчего мечта стариковская
Светит сквозь полог житейской тьмы,
Светится ею берлога московская,

1944

ТАМБОВСКОЕ ПОСЛАНИЕ*

Стазе

Покорный жажде неуёмной,
На лик Земли глядеть любя,
В простор России чернозёмной
Я шёл и в мыслях звал тебя.

А часть пути в санях почтовых
Тащился с думой о тебе
Среди степных снегов суровых,
Покорный жажде и судьбе.

А надо мною бушевала
И заметала путь метель,
Меня от стужи укрывала
Моя солдатская шинель.

Конями поднятый с дороги
Летел в лицо мне белый прах,
И мёрзли на соломе ноги
В простых холодных сапогах.

Но пусть так много вёрст меж нами!
Я и в далёкой стороне,
Объятый в сумерках снегами,
Глядел на избы с огоньками,
Но видел свет в твоём окне.

9 марта 1946, село Старая Дегтянка Тамбовской обл.

* * *

Я о поэзии давно
Ни с кем не говорю,
Гляжу на мир, как сквозь окно,
Глухим огнём горю.

Стихов и песен не пишу,
Мечтаю и молчу,
И только в памяти ношу
Всё то, что знать хочу.

Всегда со мной моя жена
В моём пути, везде,
Всегда со мной она одна
И в счастье и в беде.

У нас единый слух и взор,
И голос, и тоска, —

Уходит вдаль наш кругозор,
Наш путь – за облака.

Никто не ждёт, не слышит нас,
Наш голос в стороне,
Он прозвучит в безвестный час
В загробной тишине...

20-22 апреля 1946 года

* * *

Спустились сумерки. Полжизни протекло,
И дымный воздух стал прозрачен как стекло.

Я слышу шелест крыл – то пролетает Время,
И хладный пепел дня ложится мне на темя.

Я слепну в сумраке. И прозреваю я.
Понятна мне теперь вся жизнь, судьба моя.

Взнесённый на волну – низверженный потоком,
Хранимый жребием – испепелённый роком,
Я знаю, будет час, заблещет небосвод,
Рассеивая тьму взойдёт большой восход.

Он воскресит меня, чтоб видеть солнце Мира,

И лишь ему поёт моя земная лира!

9 января 1953 года

ПОСЛЕ ВОЙНЫ*

Я был с тобой в те дни в разлуке,
Тогда в отчаянье и в муке
Не доверяясь никому,
Во тьму протягивал я руки
И вглядывался в эту тьму.

Там наш очаг погас до срока,
Одна ты сторожила дом,
Но как бы ни был я далёко,
Я видел свет в окне твоём.

Война прошла, и отдыхая
Мы снова рядом вместе шли,
Последним громом громяя,
Темнело облако вдали.

Но снова туча, снова горе,
Я не сумел тебя спасти,
С тоской и с нежностью во взоре
Сошла ты с моего пути.

И будто сердце раскололось —
Изнемогая и любя,
Всё слышу я твой милый голос
И вижу в памяти тебя.

И все надежды и тревоги,
Печаль и радость, смех и грусть —
Ухабы жизненной дороги,
Всё, всё я помню наизусть.

И помни ты! Уходят реки,
Дни гаснут. В доме нет огня.
Потом и я закрою веки,
Но ты не уходи навеки,
Ты тоже помни там меня.

12 июня 1956 года

* * *

Вечером поздно домой прихожу,
В наше окошко с тревогой гляжу,

Пусто в окне и не видно огня,
Нет тебя больше, не ждешь ты меня.

Оборвалась путеводная нить,

Смысла не стало, не хочется жить.

Мы неразлучники были с тобой,
Вместе боролись за жизнь, и с борьбой

Связь наша крепла, вливалась в века,
Ты умерла и осталась тоска.

С этой тоской я домой прихожу.
В наше окошко с тревогой гляжу,

Пусто в окне и не видно огня —
Больше не ждешь ты, как прежде, меня.

19 июля 1956 года

* * *

Здесь над нами вместо крыши
Только неба лёгкий свод,
И чем дальше, тем всё выше
Голубой его полёт.

Путь туда хоть и не долог,
Бесконечна вышина,
Ночью светит звёздный полог,
Светит бледная луна.

В это вечное пространство
Вольно душам отходить,
Видеть звёздное убранство,
Обрывая жизни нить.

Где-то ты теперь витаешь,
Не забыла ли меня,
В ярком свете солнца таешь
Иль бежишь его огня?

И глядишь ли, хоть случайно,
К нам на землю, как в окно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.